

Тагеев Рустам-бек

По Афганистану
Приключения русского
путешественника

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 379.85
ББК 75.81
Р89

Р89 **Рустам-бек Т.**
По Афганистану: Приключения русского путешественника / Тагеев Рустам-бек – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 160 с.

ISBN 978-5-519-76199-4

ISBN 978-5-519-76199-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ автора.

Еще съ 1892 года послѣ встрѣчи моею съ афганцами на Памирѣ я заинтересовался этимъ народомъ и всячески старался изучить его бытъ, существующій порядокъ управленія страною, организацію афганской арміи и вообще все, что могло бы представить какой бы то ни было интересъ для европейцевъ, которымъ Афганистанъ являлся чѣмъ-то загадочнымъ и недоступнымъ.

Съ этою цѣлью, я въ 1896 году по личной инициативѣ предпринялъ два путешествія вверхъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, стараясь проникнуть вглубь этой недоступной страны со стороны бухарскихъ владѣній, такъ какъ попытка моя пробраться въ Афганистанъ черезъ Гератъ не увѣнчалась успѣхомъ. Нѣсколько разъ пытался я въ различныхъ пунктахъ переправиться черезъ Аму-Дарю и каждый разъ встрѣчалъ препятствіе со стороны афга-

нистанскихъ пограничныхъ властей, бдительно охранявшихъ свою границу.

Наконецъ, въ 1901 году мнѣ удалось въ туземномъ костюмѣ переправиться у м. Келифъ на афганскій берегъ и затѣмъ проникнуть въ Мазаръ-и-Шерифъ, откуда и началось мое полное приключеній скитаніе по Афганистану.

Борисъ Тагъевъ.

Г Л А В А I.

Отъ Самарканда до афганской границы.

Сборы въ дорогу. — Рѣшеніе. — Выступленіе изъ Самарканда. — Встрѣча съ арбакешемъ. — На арбѣ. — Въ Джамъ. — Мои опасенія. — Кишлакъ Карши и его базаръ. — Верхомъ на ишакѣ. — Неожиданная встрѣча. — Бухарскій еврей. — Я прослѣженъ. — Вошли въ приглашеніе. — Среди песковъ. — Въ виду Аму-Дарьи.

Раннею весною 1901 года начались мои приготовленія къ опасному и въ высшей степени интересному путешествію въ страну, куда за послѣднія 25 лѣтъ не дерзалъ вступить ни одинъ европеецъ. Послѣднее обстоятельство объяснялось тѣмъ, что со времени вступленія на афганскій престолъ Абдурахманъ-хана, Афганистанъ сдѣлался совершенно недоступнымъ для иностранцевъ, и даже англичане, эти покровители афганскихъ эмировъ, и тѣ допускались туда лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ инструкторы, учителя-техники и т. п., да и то лишь на время, т.-е. до

той поры, пока афганскіе мастеровые не усвоивали премудрости въ той или другой отрасли искусствъ.

Нечего и говорить, что ни одной ученой экспедиціи не удалось пробраться въ предѣлы Афганистана за время управленія имъ Абдуррахманомъ, чѣмъ и объясняется та скудость въ свѣдѣніяхъ объ этомъ государствѣ, которою отличается наша литература, посвященная описаніямъ востока.

Одинъ лишь докторъ Яворскій далъ большой / этнографическій матеріалъ въ описаніи своей поѣздки въ Афганистанъ въ качествѣ врача русскаго посольства, отправленнаго въ Кабулъ къ эмиру Ширъ-Али-Хану въ 1878—1879 г., подъ начальствомъ генерала Столѣтова, но и то этотъ цѣнный матеріалъ можно считать устарѣлымъ, такъ какъ за послѣднія 15 лѣтъ Афганистанъ и его населеніе измѣнились до неузнаваемости, а само государство стало на ряду, если даже не выше со своею сосѣдкою Персіей.

Все это еще болѣе разжигало во мнѣ желаніе проникнуть за эту таинственную границу, за которою должна была открыться новая жизнь, въ высшей степени интереснаго, оригинальнаго и уже немного знакомаго мнѣ народа.

Но какъ попасть туда? Въ европейской одеждѣ

и думать нечего, это значило бы навѣрное не высадиться даже на афганскій берегъ. Въ качествѣ купца? Но для этого необходимо снарядить болѣе или менѣе солидный караванъ, закупить товару, что, конечно, влекло за собою большія затраты, на которыя мнѣ не позволяло мое матеріальное положеніе.

Долго я ломалъ голову надъ вопросомъ, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія.

Наконецъ, натолкнулся на счастливую мысль.

Недалеко отъ древней Бактріаны, нынѣ Балка, лежитъ городъ Мазаръ-и-Шерифъ, гдѣ находится гробница Али, чтимаго у всѣхъ мусульманъ—шіитовъ *) за великаго святого. Туда со всѣхъ концовъ Азіи стекаются мусульмане на поклоненіе святому мѣсту и афганцы не стѣсняютъ богомольцевъ, тѣмъ болѣе, что они приносятъ съ собою и свою лепту, поступающую частью на нужды мечети, устроенной при гробницѣ святого, а частью въ афганскую казну.

Персъ по происхожденію, знакомый съ языкомъ, я, какъ нельзя лучше, могъ сойти за богомольца таджика, и вотъ, ухватившись за эту идею, я не

*) Мусульмане подраздѣляются на шіитовъ и суннитовъ, первые признаютъ св. Али зятемъ пророка Божія и поклоняются ему, какъ первому послѣ Магомета, сунниты же отрицаютъ Али.

задумавшись сталъ приводить свой планъ въ исполненіе. Нечего и говорить, что подобное путешествіе не могло принести какихъ-либо научныхъ | плодовъ, такъ какъ ни топографическія работы, ни фотографированіе, ни веденіе правильнаго дневника не были доступны богомольцу; но зато передъ нимъ открывалась широкая арена общественной жизни въ загадочной странѣ, а матеріаль для наблюденій представлялся обширный и въ высшей степени любопытный.

Скрывая свое опасное предпріятіе отъ близкихъ и знакомыхъ, объявивъ всѣмъ, что уѣзжаю за границу, я запасся необходимымъ количествомъ золотой монеты, часть которой въ Самаркандѣ съ трудомъ размѣнялъ на афганскія рупіи *), благодаря любезности моего друга, поручика Л—ва, единственнаго, посвященнаго мною въ цѣль далекаго путешествія, и однажды, когда еще не начинало свѣтать, съ первымъ крикомъ муэдзина, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ, я пѣшкомъ, въ туземномъ костюмѣ, съ гладко выбритой головою, отправился въ далекій и опасный путь.

Отрадно было на душѣ у меня, легко шагалось по твердому глинистому грунту, а впереди узкія

*) Рупія около 60 коп.

улицы кишлаковъ казались мнѣ черными таинственными катакомбами, ведущими къ моей заветной цѣли, къ грозному, загадочному Афганистану.

Свѣтало. Рельефы обрисовались контуры вѣсковыхъ карагачей, какъ-то гуще уже казались фруктовые сады, выглядывавшіе изъ-за высокихъ глиняныхъ дуваловъ (заборовъ), холодкомъ понесло съ востока и заунывная громкая пѣснь арбакеша(извозчика) нарушала царившую тишину.

Пѣснь все звучала громче и громче, и вотъ, наконецъ, арба съ огромными колесами поравнялась со мною.

— Ей, утакъ (землякъ), куда идешь?—окликнулъ меня арбакешъ.

— Въ Джамъ!—отвѣтилъ я.

— Въ Джамъ,—повторилъ арбакешъ,—а что ты потерялъ въ Джамъ-то? .

— Да я собственно иду въ Мазаръ-и-Шерифъ, а Джамъ-то мнѣ по пути,—удовлетворилъ я любопытство арбакеша.

— А,—замѣтилъ арбакешъ,—на богомолье значить. Ну, садись ко мнѣ, я тебя довезу до Карши—это вѣдь добрыхъ полпути будетъ, а возьму-то съ тебя за провозъ недорого, коли за такимъ дѣломъ идешь.

— А сколько возьмешь?—обрадовался я, такъ какъ уже успѣлъ натереть себѣ изрядно ногу грубымъ туземнымъ сапогомъ.

— Да ужъ пять тенегъ дашь небось,—оскаливъ свои зубы, улыбнулся арбакешъ.

— Пять тенегъ? — задумался я, — дороговато будетъ, нельзя-ли дешевле?

— Ну и иди себѣ пѣшкомъ, дешевле, небось, не дотащишься, какъ на своей парѣ,—разсердился арбакешъ, дернулъ поводами и покатилъ впередъ.

Визжу я дѣло дрянъ, ужъ куда дешевле рубль за такой конецъ, одумался, да и сталъ кричать арбакеша.

— Ну, давай деньги,—крикнулъ онъ издали, и я, развязавъ свой поясъ досталъ пять русскихъ двугривенныхъ и, уплативъ ихъ моему возницѣ, забрался на арбу, которая быстро заковыляла по избитымъ улицамъ кишлака *). По выходѣ изъ кишлака дорога тянулась по широкой степи, ограниченной съ южной стороны лиловыми силуэтами Самаркандскихъ горъ и чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ нимъ, тѣмъ замѣтнѣе мѣстность дѣлалась волнистѣе и волнистѣе и, наконецъ, начала походить на довольно широкое ущелье.

*) Кишлакъ — селеніе.

Не могу сказать, чтобы я не чувствовалъ усталости отъ путешествія въ подобномъ экипажѣ, но все же былъ очень доволенъ, что нашелъ веселаго и добродушнаго возницу не особенно любознательнаго и во все время пути распѣвавшаго свои раздирающія слухъ и душу пѣсни.

У туземцевъ обширнаго Туркестана очень мало пѣсенъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаемъ мы; большинство пѣвцовъ попросту, вдохновляясь природой, поютъ себѣ, что взбредетъ, почему пѣсни эти, въ большинствѣ случаевъ, весьма безсодержательны и не имѣютъ никакого мотива: просто завываніе какое-то и больше ничего.

Ночевали мы въ караванъ-сараѣ *) какого-то неизвѣстнаго мнѣ даже и по картѣ селенія и съ разсвѣтомъ двинулись къ Джаму.

Непривѣтливый пейзажъ открылся предъ моими глазами: голая степь, уже сожженная солнечными лучами, какъ-то уныло смотрѣла на меня своимъ однообразіемъ и бѣднотою; лишенные растительности горы казались какими-то общипанными и безотрадными среди этой пустыни, гдѣ лишь вѣтеръ, покручивая песокъ, подхватывалъ и уносилъ высоко въ небо совершенно сожженные

*) Постоялый дворъ.

солнцемъ большіе листья ственнаго растенія мумъ. Нѣсколько маленькихъ смерчей поднялось не вдалекѣ отъ меня, и унеслись они далеко-далеко въ степь, какъ-то особенно гибко извиваясь, поднимая свои воронки высоко-высоко въ небѣ.

Справа и слѣва отъ дороги изрѣдка попадались жалкія юрты кочевниковъ, очевидно, остановившихся передохнуть на полпути своей перекочевки. Двѣ, три куропатки выпорхнули изъ-подъ самой почти арбы, да нѣсколько ящерицъ перебѣжали намъ дорогу, и все снова погрузилось въ прежнее забытье, убаюкиваемое заунывнымъ завываніемъ, налетающаго изъ ущелій вѣтра.

Но вотъ и Джамъ передъ моими глазами. — Это маленькій кишлачекъ, заселенный узбеками, раскинувшійся въ небольшой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами.

Съ востока на западъ извивается мутная рѣчка, надъ которою величественно возвышаются развалины бухарской крѣпости. Въ 1878 году это мѣсто должно было сыграть видную роль въ исторіи завоеванія Средней Азіи: отсюда предполагали двинуть главный русскій отрядъ на Индію и въ Джамъ уже сосредоточились значительныя военныя силы русскихъ, но Берлинскій трактатъ остановилъ это движеніе.